

Научная статья
УДК 81:39+821.351.42
ББК 81.006.35+83.3(2Рос.Чеч)
Д 18

DOI: 10.53598/2410-3489-2023-1-312-107-117

**Чеченка Петимат в индивидуально-авторской
картине мира С. С. Бадиева:
трансляция гендерных символов
(Рецензирована)**

Айшат Саидахметовна Даниева

*Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия,
amina.s.79@mail.ru*

Аннотация:

В статье проводится комплексное исследование гендерных символов, презентующих национально-культурные маркеры чеченки Петимат в ситуации билингвизма, транслирующие параметры идентичности. Исследуются национально-культурные параметры «фемининного» чеченки: утонченность, порядочность, ум, «кавказская» ментальная аксиология, ношение одежды и головного убора, поведение, умение мыслить «поверх конфликта», которые характеризуют отношения, одобренные традициями и адатами, этико-эстетическими нормами чеченского общества.

Ключевые слова: переводческий билингвизм, текст, билингвальная культура, символ, гендер, языковая картина, идентичность.

Для цитирования: Даниева А.С. Чеченка Петимат в индивидуально-авторской картине мира С. С. Бадиева: трансляция гендерных символов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2023. Вып. 1 (312). С.107-117. DOI: 10.53598/2410-3489-2023-1-312-107-117.

Original Research Paper

**Chechen woman Petimat in S. S. Baduev's
individual-author's worldview: translation of
gender symbols**

Aishat S. Danieva

*Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia,
amina.s.79@mail.ru*

Abstract:

The study aims to investigate gender symbols that represent the national and cultural markers of the Chechen woman Petimat, characterizing the parameters of identity affected by bilingualism. The authors describe national and cultural parameters of the «feminine» Chechen woman such as sophistication, decency, intelligence, «Caucasian» mental axiology as well as wearing clothes and headdress, her behavior and the ability to think «above the conflict», which characterize

relationships approved by traditions, adats, ethical and aesthetic norms of Chechen society.

Key words: translation bilingualism, bilingual cultureme, symbol, gender, language picture, identity.

For citation: Danieva A.S. Chechen woman Petimat in S. S. Baduev's individual-author's worldview: translation of gender symbols //Bulletin of Adyghe State University, Ser.: Philology and Art Criticisms, 2023. No.1 (312). P.107-117. DOI: 10.53598/2410-3489-2023-1-312-107-117.

Введение.

В лингвистической литературе, в частности, словаре «Культура и культурология» понятие гендер представлено так: «ГЕНДЕР (*gender* – «род, пол») введено постмодернистской школой феминизма для разграничения двух смыслов, содержащихся в прежде используемом термине «пол» (*sex*). В отличие от биологического пола, заданного от рождения, гендер (социальный пол) детерминируется социально-историческими и этнокультурными условиями. Это понятие введено в оборот по аналогии с социальным классом, национальностью, возрастом и др., которые учитываются при анализе социального неравенства и субординации. Выделяют личностный гендер, структурный – представленный на уровне социальных институтов, и символический гендер как культурное содержание мужественности и женственности» [1: 249]. З. Р. Хачмафова отмечает: «Гендерный фактор ... вызывает интерес к изучению социальных факторов, определяющих отношение к поведению людей в зависимости от их пола» [2: 476- 481]. А. В. Кирилина, М. В. Гаранович в своей статье констатируют: Понятие «гендер» ... первоначально оно отражало социально-философский пафос обоснования и утверждения идеи о природной и социокультурной составляющей в современной модели человека ...» [3: 8]. По мнению И. Гоффмана, «гендер является составляющей многих ритуалов. Вся ритуальная жизнь общества пронизана дихотомией «мужское-женское»... самопрезентация ритуализирует гендерную идентичность...»

[4: 301-331]. З. М. Габуниа констатирует: «Язык как естественный субстрат этноса и культуры, служащий средством закрепления существования этноса и его цивилизации, этнического мировидения, мироощущения, особенно его древний слой, носит антропоморфный характер» [5: 42-43]. Далее отмечает: «Особое внимание заслуживает очень важный, но слабо изученный в кавказоведении вопрос – лингвоцентрический характер понимания человеком окружающего его мира. Этногенез дает возможность заглянуть в «святая святых» - глубинные недра языка, в его истоки» [5: 43]. Предлагая различать специфику семантики этнонационального, С. Х. Анчек констатирует: «Язык является не только средством общения, но и хранилищем информации, накопленной языковым носителем, живущим в определенной национальной среде [6].

В 1930 г. издан первый роман С. С. Бадиева «Пет1амат» на чеченском языке, который связывают с лучшими достижениями художественной словесности Чечни 20-30-х гг. XX в. В дискурсивных практиках автор презентует ментальные параметры «феминности» и «маскулинности» в чеченском языковом пространстве, требующие анализа и исследования заключенных гендерных символов. Ч. Г. Гусейнов в работе «Этот живой феномен. Советская многонациональная литература вчера и сегодня» (1988) представил типологию художественного билингвизма, С. С. Бадиев по его классификации монолингвальный автор, т.е. его «творчество на национальном языке...»

[7: 314-315], транслирующее индивидуально-авторскую картину мира и гендерные языковые символы чеченки *Петимат*. В чеченской художественной словесности, опираясь на классификацию Б. А. Хасанова работу [8] и работу Ч. Г. Гусейнова [7], билингвальными можно считать произведения авторов (писателей) и переводы (переводчиков), которые мы относим к переводческому билингвизму. Предлагается рабочее обоснование типологии художественного билингвизма в чеченском языковом пространстве, дополненную исходную схему шестым пунктом - **переводческий билингвизм**, который не реализован в полной мере, но достаточно точно, должен выполнять функцию межкультурного посредника в современном социуме. В ситуации чеченской художественной словесности выделяем «авторски неосознанное совмещение в речи двух языковых стихий» [7: 192-193], транслирующее эксплицитно и имплицитно гендерные символы национальной лингвокультуры в текстовом пространстве. Отметим, что исследовательским объектом работы «Чеченский язык: гендерный аспект» (2013) Л.М. Бахаевой является: «язык» и «пол» [9: 4], их номинация и трансляция в языковых единицах текстового пространства автора как способ презентации ментальных характеристик чеченки *Петимат* индивидуально-авторским языковым сознанием С. С. Бадиева в ситуации переводческого билингвизма.

В работе «Русскоязычные художественные произведения Фазиля Искандера как новый тип творчества» З. М. Габуния констатирует: «...рассмотрения текста в контексте культуры – это, уникальная роль человека в мире вообще и в мире культуры... Антропоцентричность – существенная черта произведений культуры [10: 34-36]. Следовательно, монопольность творчества С.С. Бадиева как модель для исследования типов и форм художественного

билингвизма в чеченском языковом пространстве (переводческий билингвизм) представляет для нас научный интерес. В статье предпринята попытка уточнения параметров, позволяющих изучить культурную интерференцию в ситуации контакта языков и лингвокультур в переводном текстовом пространстве, транслирующем в русскоязычном или ином тексте национально-культурные маркеры символичности гендера. Следует отметить, что индивидуально-авторская картина мира в ситуации переводческого билингвизма презентует лингвокультурные символы: слова, словосочетания, предложения, т.е. чеченские гендерные номинации и символы - билингвемы. Термин «билингвема» С. Г. Николаев определяет так: «...любая манифестация иноязычия ... в тексте и, шире, творчестве конкретного автора квалифицируется нами как билингвема» [11: 13], который различает шесть признаков билингвем. Транслируя гендерные языковые символы мыслительной деятельности в ситуации дискурсивных практик Х. З. Багириков констатирует: «Билингвемы (билингвальные реалии, культуремы, мифологемы) в текстах – единицы, позволяющие исследовать мыслительную деятельность в двуедином творческом процессе, отражают когнитивный диссонанс кодирования информации, позволяют отслеживать сложность осмысления, вычленения и категоризации действительности родной культуры, нахождения их эквивалента на языке приобретенной культуры [12: 21-26]. Комплексный анализ разноуровневых языковых единиц чеченской лингвокультуры с учетом функциональной, когнитивно-семантической, стилистико-коммуникативной организации гендерных символов позволит нам исследовать соответствующую «фемининную» языковую национальную семиотику.

Методы и методики исследования позволяют анализировать

гендерные символы индивидуально-авторского сознания писателя, транслирующего когнитивно-семантические билингвальные культуремы, являющиеся межкультурными посредниками, презентующими национальную языковую картину в языковую картину мира, транслируя аксиологию гендерных символов этноса. Методы исследования: сплошной выборки и лингвокультурный анализ значения лексем и форм, сравнение, сопоставление.

Обсуждение.

В эмпирическом материале работы исследуются билингвальные культуремы, презентующие гендерные символы чеченки Петимат в дискурсивных практиках, которые эксплицируют и транслируют «фемининное» в оригинале и переводном тексте. Составляющими гендерных различий языковых символов является бинарная оппозиция «мужское»//«женское», в котором «фемининное» начало подчиняется «мускулинному». Эмпирическая выборка из текстового пространства С.С. Бадиева позволяет нам анализировать семиотичность языковых символов, транслирующих гендерные языковые параметры чеченки Петимат:

1. *Пет1амат, шен к1айчу ку-чан ши пхьош гьоллец хьала а дина, коьртарчу ц1ечу йовлакха к1ел-хьара охьаовху, шен 1аьржа месаш, дешица кхелинчу лерга т1ехьа а туьйсуй, лаьттара, гьолал лакха лелхаш, к1айн настари а гуш, хичуьра шен истангаи хьуйьш* [13: 172], – «Петимат, закатив рукава своего белого коротенького платья, зачесывая под красный платок непослушные черные волосы, стирала на речке войлок» (перевод наш - А. Даниева). Авторское языковое сознание С. С. Бадиева презентует гендерный языковой символ – платок, характеризующий Петимат, как транслятора базовых основ гендерной аксиологии «фемининности» этноса. Гендерный языковой символ платок представлен так:

коьртарчу ц1ечу йовлакха – «в красном платке».

В чеченской семиотике платок несет сложную синкретично-смысловую нагрузку, являясь культурным маркером, транслирующим «фемининность» в социуме: честь, чистоту, преданность, целомудрие, презентуя читателю «разные номинации головного убора: йовлакх, косынка, кортали, шипон (шифон), чухта». Социальный статус женщины (девушки) в семье и обществе позволял определить языковой символ платка: девушка распускала косы и надевала косынку, замужняя женщина собирала волосы в косу и надевала большой платок, просватанная девушка надевала платок светлых оттенков, вдова скрывала волосы и надевала платок темных оттенков, особым образом завязывала платок пожилая женщина, которая собирала волосы под *чухта*, а затем надевала большой платок – *кортали*.

В «Чеченско-русском словаре» (1992) И.Ю. Алироева *чухта* описывается так: *чухта* [чухтанан, чухтанна, чухтано, чухтане, *й*; мн. чухтанаш, *й*] уст. женский головной убор (*прикрывающий волосы по мусульманским обычаям*) [14: 299]. В том же словаре *кортали* трактуется так: *кортали* [корталин, корталиина, корталино, кортале, *д*; мн. корталеш, *д*] большой головной платок (*обычно тёплый*) [14: 128].

Сохранение архаичного отношения к женщине, устойчивость нравственных основ этноса транслируется гендерным символом платка. На Кавказе ссору и даже сражение на кинжалах могла остановить женщина, бросив в ноги сражавшихся мужчин платок, подобный пример описан в работе З. И. Хасбулатовой: «Бабушка была из Зантахой, ее мать 1аду – из Нашхоевцев, а мать 1аду была Нарт-орстхой, а ее нана – Зумсо, Зумсо нана была из Дышни, Дышни нана – Беной, Беной нана – Умалказа родила красавицу Машар, которая отличилась тем, что в свои 14 лет бросилась отчаянно к парням,

обнажившим кинжалы. Бросив кувшал – кувшин с водой и не слушая подруг, сопровождавших ее по дороге с родника, кинулась в драку. Парни прекратили ссору, опустили клинки, пораженные ее красотой, а более всего – ее волосами, касавшимися земли. Когда волнения и переполох закончились, девушек сопровождали домой, а весть о том, что дочь Умалказы **обнажила голову** и остановила поединок – облетела Беной мохк, Дышни мохк и другие территории» [15: 170].

С.-Х. М. Нунуев в работе «Чеченцы. Краткие очерки истории, культуры, обычаев и традиций» (2009) отмечает: «Об уважительном отношении к женщине свидетельствует обычай, как приветствовать женщину стоя» [16: 101]. Работы З. И. Хасбулатовой и С.-Х. М. Нунуева, презентующие уклад и образ жизни девушки (женщины) сделали очевидным тот факт, что для девушки (женщины), чеченки *Пет1амат*, является «внедренным» в сознание глубокое почтение к символичности женского – платку, транслирующему статус «чеченки» в обществе. Авторское языковое сознание С. С. Бадиева демонстрирует в тексте гендерные символы, транслирующие то, как горцы чтити и уважали традиции и адаты предшествующих поколений в отношении женщины.

2. – *Пет1амат! Ва Пет1амат!.... Хьан да д1авуьгу хьуна! Хьан Дуда лаьцца вуьгу хьуна! Ядалахь, ядалахь, Пет1амат, ядалахь! – аьлла, ши зуда кхуьнан дег1ах хьаьрчира. – М-мила?... мила бах аш?.... Дудий?... Сан да Дудий?... – аьлла, Пет1амата лубра мохь хьаькхира. Цу зударша дуьххьар мохь тоьхча а кьаьрзина долу цуьнан б1аьргаиш, чохь мелчу хин т1адамаш а х1уьттуш, ц1еххьана шуьйра д1а-схьа даьржира. Амма, кхуьнан дог к1адлуш, хьаьвзинчу б1агорна х1ара, шен пхьаьрсаи шуьйра а даржош, баьцарчу бай т1е аркьал охьайоьжначулт1ехьа, б1аьргаиш чехконца ваьшта-м дахара [13: 173] – «Петимат!*

Ва Петимат! Твоего отца забирают! Беги скорее! Петимат скорее!» – с этим криком подбежали две женщины, обнимая ее. – «Кого?.. Дуду?... Моего Дуду?...» – закричала Петимат. Когда Петимат услышала, о чем ей говорят женщины, в ее широко раскрытых глазах появились слезы. От тревоги в сердце, она почувствовала слабость и, теряя сознание, упала на зеленую траву» (перевод наш – А. Даниева). Данный контекст транслирует психологизм ситуации, эмоциональное состояние юной девушки, которая услышала тревожную весть об отце, что заставило Петимат пережить эмоциональное потрясение. После потери матери отец для Петимат был единственным близким человеком.

Билингвальная культурема *Ва Пет1амат!* [13: 173] транслирует то, как автор выражает экспрессию эмоций, выполняющих особую роль в речевом поведении, транслируя психическое состояние героини. Л.М. Бахаева отмечает: «Гендерную позицию имеют и некоторые междометия чеченского языка. «Женский» язык немного богаче междометиями, чем «мужской». Есть междометия, употребляемые только женщинами или только мужчинами. Язык мужчин сдержан, поэтому и междометий в нем значительно меньше» [9: 101]. *Ва Дада!..Дада!.. Х1ара х1ун ду? Х1ара х1ун ду?* [13:175] – «Отец! Отец! Что случилось? Что происходит?» – *Ва ... ва, орца!.. орца!... – аьлла, шийлачу маьхьарца Пет1амат охьаюьйжира* [13: 185] – «Помогите! Помогите! – с пронзительным криком вбежала Петимат в медресе и рухнула на пол». *Ва нах!* [13: 191] – «О люди!» М.М. Бетильмирзаевой пишет: «Ценностное отношение к содержанию языка способствует практическому прослеживанию оснований феномена «ментальность» в панораме человеческого бытия» [17: 8]. Эмпирический материал отражает коммуникативное поведение чеченки Петимат, позволяющее описать особенности эмоционального

состояния голоса, переживающего чувство удивления, волнения, страха, тревоги. Эмоции объективируются при помощи междометий, характеризующих изменение темпа речи, повышения или понижения голоса, что частотно и характерно для выражения эмоций в чеченском языке.

3. *Иза, говрийн архаш а лаьцна дIахIоьттира, зуда бехке хиларна цу шина зудчуьнца ПетIаматах куьг тоьхна, и хIургон тIе яккхайиш йоцуш* [13:174], – «Он стоял, взяв лошадь за узду, так как не мог дотронуться до чужой девушки и помочь двум пожилым женщинам положить девушку на повозку» (перевод наш - А. Даниева). Авторское языковое сознание писателя транслирует гендерные символы, связанные с воспитанием юноши на национальных традициях и адатах, определяющих ментальные параметры чеченского общества: выражение уважения к девушке, сестре, матери, почитание бабушек. В сложившейся ситуации юноша предлагает свою помощь, быстро разгружает повозку и подгоняет ее ближе к женщинам, но воздерживается от помощи двум пожилым женщинам, которые пытаются положить бесчувственное тело девушки на повозку. Парень отходит от них и стоит, взяв коня за узду, так как парень (мужчина) не имеет права касаться чужой девушки (женщины), что запрещает религия и адаты чеченского общества.

З.И. Хасбулатова констатирует: «...главный постулат нравственно-го воспитания у чеченцев ...: выработка и закрепление у детей таких качеств, как уважение к старшим, к родителям, к лицам противоположного пола, чувства долга и чести, честность, скромность, чувство собственного достоинства и т. д.» https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2116361. С.-Х. М. Нунуев отмечает: «Говорят, что строгий этикет вайнахам передается с молоком матери. Каждый истинный вайнах,

воспитывавшийся у себя на родине в традиционной семье, имеет прочные задатки рыцаря, дипломата, мужественного заступника и щедрого, надежного товарища» [16: 84]. Таким образом, в текстовом пространстве С. С. Бадиева решаются не только художественно-литературоведческие проблемы, но и поднимаются лингвофилософские, социокультурные и нравственно-этические гендерные аспекты через конфликт индивидуального мировоззрения героя – горца с традиционными нормами и адатами чеченского общества.

4. *ПетIаматIера лулахошка вогий цуьнна ирахь а Iай, дIа-м вьдуря. Иза сийсара а ирахь а Iийна, ПетIаматера кара чIуг а эцца дIа-ваханера парIатчу лаьмнашка* [13: 177] – «Мусост приходил к соседям Петимат, чтобы увидеть и поговорить с ней. Он и вчера приходил, попросил у Петимат кольцо» (перевод наш - А. Даниева). В традиционной культуре чеченцев для встречи парень приглашает девушку в дом ее соседей, чтобы увидиться и пообщаться с ней. Обычай в чеченской лингвокультуре называется *чухайкхар* в русском тексте транслируется билингвальной культуремой «посиделки». С парнем приходит друг или родственник, с девушкой приходит подруга (сноха, сестра, родственница, соседка). Парень просит у девушки какую-нибудь вещь (кольцо, серьга, цепочка, платок), если девушка передает парню кольцо, это является ее официальным согласием на брак с ним. В чеченской лингвокультуре среди множества адатов издревле существует обычай *кара хIума ялар*, что переводится буквально как 'передать вещь в руки', чем девушка подтверждает свое согласие на брак с молодым человеком, которому передает любое ювелирное украшение, редко - платок. Молодой человек сообщает матери (сестре) новость о выборе невесты и намерении жениться. С.-М. Хасиев в работе «Нохчийн гIиллакхех» («О чеченских обычаях») (2016),

пишет: *Кара хлума ялар ду вай ду-ыйцург. И хила тарло мерах хьокху йовлакх, члуг, мухлар, ша цуьнга ян резахиларан тоьшаллина йола шен тлехыйзачу клантана луш долу. Нохчмахкахь йола клантана кара лучу хлуманых «лен» олу. «Ленна караелла хлума ярий вайн йола?» - хотту иза йолчара йол маре яха дагахь хилар шайна хигъча. Ленна караелла хлума дохо йиш йоцу тоьшалла хилла клантана, цул тлаьхьа и йол цуьнга яха бен бакъо йоцуш ца хилла, нагахь иза ядорна тлехь новкгарлонаш хуьлуш елахь [18: 151]* – «Мы говорим о том, что девушка, в знак верности и согласия на брак с парнем передает ему какую-либо вещь, это может быть ювелирное изделие или платок. В чеченском обществе вещь, передаваемая девушкой парню, называется «лен». «В знак верности и согласия наша девушка передала что-нибудь парню?» - спрашивали родственники, со стороны девушки, узнав о ее намерении выйти замуж. Для парня кольцо или платок становится гарантией того, что девушка становится его нареченной» (перевод - А. Даниева). Авторское языковое сознание С. С. Бадиева являясь носителем и транслятором ментальных параметров чеченцев, презентует читателям гендерные символы чеченки *Петламат* в социокультурных условиях переводческого билингвизма самобытные традиции чеченского этноса *чу кхайкхар* (посиделки), *кара хлума ялар* (передать вещь в руки).

5. *Петламата шен керара чами цхьана куйга ловз а беш, иза, ца хууш, нагахь, шаьшина юкъехь лаьттачу клудалх тухий, гловгла а йоккхуш, кхеран кгамел клорге даьллачу хенахь Мусоста, цхьана хлуманна-м цлеххьана юха а иккхина: «Делаца дуй ма боу ас, хьо соьга яллац, хьуна бохам баьллачу меттехь нанас винчу вашас ден долу гло хьуна дан», – аьлла, шен лаьржачу мекхаш тле ка яьхьира [13: 187]* – «Общаясь с Мусостом, Петимат в одной руке вертела ковшик, иногда

нечаянно ударяя им о кувшин стоящий между ними, что создавало случайный звон, когда они разговорились, Мусост вдруг сказал: – «Клянусь Аллахом, если тебя кто-нибудь обидит до нашей свадьбы, я заступлюсь за тебя, как вступился бы родной брат за сестру» (перевод наш - А. Даниева). В чеченской лингвокультуре встречи и знакомства молодых проходили у родника (*шовдан йист, хин йист*), так как молодые встречаться должны были прилюдно, а родник символизировал чистоту отношений. На свидании парень и девушка должны стоять на расстоянии нескольких шагов друг от друга, чтобы случайно при разговоре (жесте) не коснуться друг друга. На родник девушки приходили с кувшинами для воды, который имел узкое горлышко, большую ручку и широкое круглое дно, чтобы удобно было носить кувшин на плече. С.-Х. Нунуев в работе «Чеченцы. Краткие очерки истории, культуры, обычаям и традиций» (2009) отмечает: «... Женщина-мать заслужила уважение всех народов, а у чеченцев она поставлена на особое статусное положение. ... позором считается не почитание матери и ее родственников. ... чеченцы, ... придавали большое значение женщине, как хранительнице домашнего очага. Именно женщине принадлежит одна из важнейших заслуг в сохранении любого этноса» [1: 100-101]. В чеченском обществе особое внимание уделялось воспитанию девушек, которых приучали к благопристойному поведению в доме и в обществе. Следует отметить, отношения мужчины и женщины в чеченском обществе строились по традиционным обычаям и адатам народа.

6. *Хлара, юрто а хазалла юьйцуш яра, сарахь хлара хитла яхача, кегийчу наха маь1-маь1лера кхуьйсучу дешнашна кхуьнан йогучу беснеш тле хлуйтту кегий клаьгнаш юха ца доьрзура, набарна хлара длайижжалц [13: 177]* – «В селе Петимат слыла красавицей. Вечером,

когда она шла к ручью за водой, все юноши обращали на нее внимание, одаривая девушку комплиментами, от смущения у девушки краснели щеки, а ямочки на щеках не проходили вплоть до сна» (перевод наш - А. Даниева). З. И. Хасбулатова отмечает: «Чеченцы воспитывали девочек на моральных ценностях ислама, одновременно стремясь передать им также и свое ремесло, трудолюбие, хозяйственные навыки. Девочка должна была вырасти работящей, бережливой, терпеливой, послушной, обладающей и другими положительными чертами жены, матери, сестры» https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2116361. Облик девушки-горянки – предмет восхищения всех, кто бывал на Кавказе» https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2116361. Д. Д. Межидов и И. Ю. Алироев отмечают: «К признакам же внешней женской красоты вайнахи относили средний рост, стройность, белую тонкую шею, среднюю грудь, тонкую талию (чтобы под лежащей на боку девушкой можно было просунуть кулак), маленькие ножки, изящные руки, густые ресницы, большие черные глаза (*‘х1уьрла1ан б1аьргаиш,’* – глаза ‘глаза гурий, райской девы’), утиная плавная походка. П. К Услар «был удивлен сравнением походки чеченской девушки с утиной. Но чеченцы понимают под этим плавные, грациозные движения. В песнях вайнахов нередко можно встретить и такой атрибут внешности женщины, как длинные черные косы. Но, пожалуй, превыше всего вайнахи ценили соблюдение девушками своей девичьей чести, а также верность и преданность жены мужу» [19: 55-56]. В данном контексте С. С. Бадиев обращает внимание читателя на эстетический образ девушки, который сочетается с её внешними данными: *х1ара, юьрто а хазалла юьйцуш яра* («слыла в селе красавицей»), *югучу беснеш* («краснели щеки»), *беснеш т1е х1уьтту кегийра к1аьгнаш* («маленькие ямочки на щеках»). Автор дает определенную

психологическую характеристику *Пет1амам*, указывая на внешние языковые символы и личностные характеристики героини: скромность, порядочность и домовитость.

Заключение.

Анализ эмпирического материала свидетельствует, что индивидуально-авторское языковое сознание С. С. Бадиева в тексте презентует билингвальные культуремы чеченской аксиологии, транслируя гендерные символы, характеризующие *Пет1амам*, презентуя принятые и одобряемые нормы в обществе: коммуникативное поведения, этикет, ментальные параметры, характеризующие «фемининный» аспект в чеченской лингвокультуре этноса. Исследователи (см. Ч. Г. Гусейнов (1988), Б. А. Хасанов (1990) З.М. Габуниа (2017), З.Р. Хачмафова (2010), З.И. Хасбулатова (2018), Х.З. Багириков (2022), С. Г. Николаев (2022) и др.), разделяют идею синкретизма структур языка, т.е. индивидуально-авторской и языковой картины мира, но отмечают, что степень проникновения различна, да и культурная интерференция, как результат языкового контактирования чеченского и русского языков и культур отражается при кодировании/декодировании информации. Как носитель национального языка, используя родную художественную словесность, С. С. Бадиев представляет исследовательский интерес для анализа презентации в переводном русскоязычном тексте национальных гендерных символов чеченки *Пет1амам* для читательской аудитории. Дискурсивные практики нами рассматриваются как сложное, системное образование, включающее знаковую систему (коммуникативный аспект) и представления о языковой картине мира (социокультурный и лингвокультурный аспекты). Язык и культура интегральны в чеченском социокультурном пространстве, моделирование нами гендерных символов чеченки *Пет1амам* носит вербальный

характер. Творческая личность в художественном процессе испытывает имплицитно влияние родной лингвокультуры, что подтверждается иноязычными билингвальными включениями гендерной символичности, выполняющими функцию межкультурного посредника в переводном тексте. Авторское языковое сознание транслирует гендерные символы, презентуя национальные параметры «феминности» базовой аксиологии чеченской лингвокультуры. Таким образом, при исследовании и анализе «продукта» переводческого билингвизма С. С. Бадиева обнаруживается экспликация и импликация ресурсов второго принимающего языка, русского, принимающей лингвокультуры, выполняющей функцию межкультурной коммуникации.

Эмпирический материал работы транслирует ментальные билингвальные культуремы чеченского языкового пространства в социокультурной ситуации переводческого билингвизма, которые свидетельствуют о том, что авторское языковое сознание филигранно использует национально-культурные маркеры, транслирующие «феминное» в образе чеченки *ПетIамат*, проявляющиеся в текстовом пространстве, коммуникативный портрет которой носит имплицитный характер, презентуя коммуникативное поведение, этикетные нормы, ментальные параметры, элементы внешнего облика, при описании внешности автор указывает на длинные черные волосы, стройный стан, черные глаза и красивую улыбку с ямочками на щеках. Через психологический портрет девушки

автор транслирует внутренний мир *ПетIамат*, способ мышления «поверх конфликта», скромность, ум и порядочность. Её психологический портрет характеризуется индивидуально-авторским описанием внутренних переживаний и страданий, трансформацией внутреннего конфликта девушки, что впоследствии приводит к драме, ломающей ментальные стереотипы чеченского общества. Пережитая несправедливость стала катализатором для *ПетIамат*: из кроткой, послушной девушки, преодолев страх, она становится решительной и начинает бороться за свое счастье, вопреки всем суровым устоям общества.

С. С. Бадиев транслирует в художественном произведении исторические, нравственно-этические, ментальные гендерные символы, которые сопровождают и реализуют оригинальный взгляд *ПетIамат* в её синкретичной языковой картине мира, того временного отрезка 30-х годов XX века. Произведение о родном этносе С. С. Бадиев создавал на чеченском языке, его произведения переведены на русский язык, благодаря чему знакомят читателей, носителей иной культуры с уникальной и традиционной культурой этноса, гендерными символами чеченки, её лингвофилософией, культурой, мировосприятием, укладом жизни, коммуникативным поведением. Авторское языковое сознание в текстовом пространстве транслирует личную точку зрения посредством авторской речи и речевых персонажей, презентуя особенности гендерных характеристик, которые идентифицируют чеченку в художественном произведении.

Примечания:

1. Культура и культурология: словарь / сост. и ред. А.И. Кравченко. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 928 с.
2. Хачмафова З.Р. Женская языковая личность в художественном тексте: когнитивно-функциональный и лингвокультурологический аспекты (на материале русского и немецкого языков): монография. Майкоп: АГУ, 2010. 290 с.

3. Кирилина А.В., Гаранович М.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации: коллективная монография / Пермский государственный национальный исследовательский университет. М.: ЯСК, 2022. 400 с.
4. Goffman E. The Arrangement between the Sexes Theory and Society. Vol. 4, No. 3. (Autumn, 1977). P. 301-331. URL: <http://links.jstor.org/sici? sici=03042421%28197723%294%3A3%3C301%3AТАВТS%3E2.0.CO%3B2-C>
5. Габуниа З.М. Очерки по истории кавказского языкознания. Кн. 2. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2020. 592 с.
6. Анчек С.Х. Этнический феномен в структуре языковой личности (на материале адыгской языковой личности) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2020. Вып. 2 (257). С. 17-22.
7. Гусейнов Ч.Г. Этот живой феномен. Советская многонациональная литература вчера и сегодня. М.: Сов. писатель, 1988. С. 314-315.
8. Хасанов Б.А. Казахско-русское художественное литературное двуязычие. Алма-Ата, 1990, С. 192-193.
9. Бахаева Л.М. Чеченский язык: гендерный аспект. Грозный: Изд-во ЧГУ, 2013. 120 с.
10. Габуниа З.М. Русскоязычные художественные произведения Фазиля Искандера как новый тип творчества: монография. Нальчик: Печатный двор, 2017. 360 с.
11. Николаев С.Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Краснодар, 2006. 295 с.
12. Багириков Х.З. Билингвизм – инструмент исследования двуязычия в тексте // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2020. Вып. 2 (252). С. 21-26.
13. Бадурев С.С. Собрание сочинений. Т. 1 / текстолог. работа, сост. и вступ. ст. Х.В. Туркаева. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1976. 397 с.
14. Чеченско-русский словарь / сост. И.Ю. Алироев; отв. ред. З.Х. Хамидова. М.: Academia, 2005. 384 с.
15. Хасбулатова З.И. Семья и семейная обрядность в XIX - начале XX века (историко-этнографическое исследование) / отв. ред. Л.Т. Соловьева. М.: ИИУ МГОУ, 2018. 432 с.
16. Нунуев С.-Х.М. Чеченцы. Краткие очерки истории, культуры, обычаев и традиций. М.: ИКАР, 2009. 176 с.
17. Бетильмирзаева М.М. Ментальность в контексте культуры (философско-культурологический анализ). Ростов н/Д: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011. 250 с.
18. Хасиев С.-М. О чеченских обычаях (на чеч. яз.). Грозный: Грозненский рабочий, 2016. 192 с.
19. Межидов Д.Д. Алироев И.Ю. Чеченцы: обычаи, традиции, нравы. Социально-философский аспект. Грозный: Книга, 1992. 207 с.

References:

1. Culture and cultural studies: Dictionary / comp. and ed. by A.I. Kravchenko. М.: Academic Project. Yekaterinburg: Delovaya kniga, 2003. 928 pp.
2. Khachmafova Z.R. Female linguistic personality in a literary text: Cognitive-functional and linguoculturological aspects (based on Russian and German languages): a monograph. Maikop: ASU, 2010. 290 pp.
3. Kirilina A.V., Garanovich M.V. Gender and gender linguistics at the turn of the third millennium // Gender aspects of the language, consciousness and communication: a collective monograph // Perm State National Research University. М.: YaSK, 2022. 400 pp.

4. Goffman E. The Arrangement between the Sexes Theory and Society. Vol. 4. No. 3. (Autumn, 1977), P. 301-331. URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=03042421%28197723%294%3A3%3C301%3ATABTS%3E2.0.CO%3B2-C>

5. Gabunia Z.M. Essays on the history of Caucasian linguistics. Book 2. Nalchik: M. and V. Kotlyarovs' Publishing House, 2020. 592 pp.

6. Anchek S.Kh. Ethnic phenomenon in the structure of language personality (based on the Adyghe language personality) // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. Maikop, 2020. Iss. 2 (257). P. 17-22.

7. Guseynov Ch.G. This living phenomenon. Soviet multinational literature yesterday and today. M.: Sov. writer, 1988. P. 314-315.

8. Khasanov B.A. Kazakh-Russian artistic literary bilingualism. Alma-Ata, 1990. P. 192-193.

9. Bakhaeva L.M. The Chechen language: a gender aspect. Grozny: ChSU Publishing house, 2013. 120 pp.

10. Gabunia Z.M. Russian-language artistic works of Fazil Iskander as a new type of creativity: a monograph. Nalchik: Pechatny dvor, 2017. 360 pp.

11. Nikolaev S.G. Phenomenology of bilingualism in the works of Russian poets: Diss. for the Dr. of Philology degree: 10.02.01. Krasnodar, 2006. P.118.

12. Bagirokov Kh.Z. Bilingueme as a tool to study bilingualism in the text // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. Maikop, 2020. Iss. 2 (252). P. 21-26.

13. Baduev S.S. Collected works. Vol. 1 / Textological work, compilation and introductory article by Kh.V. Turkaev. Grozny: Chechen-Ingush Publishing house, 1976. 397 pp.

14. Chechen-Russian Dictionary / comp. by Aliroev I.Yu.; executive ed. by Z.Kh. Khamidova. M.: Academia, 2005. 384 pp.

15. Khasbulatova Z.I. Family and family rituals in the 19th – early 20th centuries (historical and ethnographic research) / executive. ed. by Solovyova L.T. M.: IIU MGOU, 2018. 432 pp.

16. Nunuev S.- Kh.M. Chechens. Brief essays on history, culture, customs and traditions. M: IKAR, 2009. 176 pp.

17. Betilmirzaeva M.M. Mentality in the context of culture (philosophical and culturological analysis). Rostov-on-Don: SKNTs VSh SFU, 2011. 250 pp.

18. Khasiev S.-M. About Chechen customs (in Chechen language). Grozny: Groznensky Rabochy, 2016. 192 pp.

19. Mezhidov D.D. Aliroev I.Yu. Chechens: customs, traditions and manners. Socio-philosophical aspect. Grozny: Kniga, 1992. 207 pp.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023; одобрена после рецензирования 17.02.2023; принята к публикации 21.03.2023.

The paper was submitted 16.01.2023; approved after reviewing 17.02.2023; accepted for publication 21.03.2023.

© А.С. Даниева, 2023